

ЛИЛИЯ ТИМОЛАЕВА

Лилия Тимолаева

Опальная невеста дракона

«Литнет»

2026

Тимолаева Л.

Опальная невеста дракона / Л. Тимолаева — «Литнет», 2026

В день, когда Лиару должны были объявить невестой наследника драконьего дома, ее обвинили в измене короне. Украденный артефакт нашли среди ее вещей, жених отрекся от нее при всем дворе, а вместо свадьбы ее ждали позор и казнь. Но древняя метка истинной пары вспыхнула на ее запястье в самый страшный момент — и отозвалась не на наследника, а на его старшего брата. На Кайрена Валдрея. На самого опасного дракона при дворе. Теперь Лиара связана с мужчиной, которому нельзя доверять. Он спас ей жизнь — и лишил свободы. Вокруг трона плетется заговор, ее несостоявшийся брак был частью чужого плана, а каждая новая тайна делает ее не слабее, а опаснее. Чтобы выжить, ей придется понять, кто и зачем сделал ее идеальной жертвой. Но чем ближе она к правде, тем сильнее ее тянет к мужчине, рядом с которым женщины не остаются надолго. Когда любовь становится угрозой для трона, а память — оружием, самый страшный вопрос уже не в том, кто хочет ее смерти. А в том, кем она станет, если все тайны наконец откроются.

© Тимолаева Л., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Клеймо позора	5
Глава 2. Его право забрать	13
Глава 3. Клятва под замком	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Глава 1. Клеймо позора

Зал Белого Пламени сиял так ярко, что от позолоты на высоких сводах у Лиары ломило виски. Свет сотен свечей дробился в хрустале, скользил по мраморным колоннам и падал на лица придворных — слишком бледные, слишком внимательные, слишком жадные до чужого падения. Музыка еще звучала, тонкая, торжественная, но под ней уже дрожало другое: напряжение, похожее на запах крови под густыми благовониями.

Лиара стояла у подножия трона в платье цвета старого золота, с тяжестью фамильных рубинов на горле и с чужой судьбой, почти надетой ей на палец.

Еще несколько мгновений — и королевский глашатай должен был объявить ее помолвку с принцем Эйденем Валдреем, наследником дома драконов. Она ждала этого дня с тем холодным, отточенным мужеством, которого от нее требовали всю жизнь. Не счастья — его в придворных браках не обещали. Не любви — на нее она давно не рассчитывала. Только ясности. Нового имени. Нового положения. Новых цепей, которые хотя бы не скрывались под шелком.

Эйден стоял справа от трона, безупречный, прямой, светловолосый, как статуя молодого бога. На его лице лежала привычная сдержанность, выверенная до последней черты. Он не смотрел на нее. Впрочем, он редко смотрел на нее так, будто видел женщину, а не обязательство между домами.

Лиара тоже не поднимала глаз. Она чувствовала на себе взгляды дам, шепот их вееров, оценивающий блеск в глазах мужчин. Каждое движение, каждый вдох в этом зале сегодня имели цену.

— Дом Рейнмар приносит короне клятву верности, — произнес канцлер, и его голос прокатился под сводами, как медь под ударом молота. — И в знак нерушимого союза...

Двери распахнулись с глухим ударом.

Музыка оборвалась не сразу, а будто захлебнулась. Несколько скрипок пискнули напоследок и смолкли. По мрамору зазвенели шпоры стражи.

Лиара подняла голову.

В зал вошел капитан королевской гвардии, а за ним — четверо людей в черном с гербом короны на груди. Между ними, завернутый в темную ткань, будто в саван, лежал длинный ларец из обсидиана.

Сердце Лиары сжалось так резко, что ей показалось — это услышали все.

Король не поднялся с трона, но его массивная фигура напряглась. Золотые глаза, унаследованные от драконьей крови, сузились.

— Что это значит? — спросил он.

Капитан опустил на одно колено.

— Ваше величество. По вашему указу была проведена проверка покоев леди Лиары Рейнмар.

Шепот вспыхнул по залу, как ветер по сухой траве.

Лиара осталась неподвижной. Только пальцы сжались вокруг складок платья.

— В ее личном сундуке, под ложным дном, был обнаружен похищенный артефакт короны.

У нее в ушах стало тихо. Почти милосердно тихо.

Капитан кивнул, и один из людей в черном поставил обсидиановый ларец на пол, снял покрывало и откинул крышку.

Внутри, на черном бархате, лежало Сердце Ночи.

Камень был величиной с мужскую ладонь, темный, как застывшая капля бездны. В его глубине пульсировал тусклый багряный свет — медленный, тяжелый, почти живой. Артефакт,

исчезнувший три дня назад из подземной сокровищницы. Артефакт, из-за которого двор уже кипел слухами о заговоре, измене и старой магии, которую лучше было не тревожить.

У Лиары похолодела спина.

Она никогда не видела этот камень так близко. И уж точно не прятала его в своих вещах.

— Это ложь, — сказала она, и собственный голос показался ей слишком спокойным.

Она услышала, как несколько человек в зале жадно втянули воздух.

Король смотрел на нее долго, так долго, что свечи на ближайших канделябрах успели затрепетать от сквозняка.

— Ты утверждаешь, что артефакт подбросили?

— Я утверждаю, что не брала его.

— Но он найден среди твоих вещей.

— Тогда кто-то хотел, чтобы его нашли именно там.

Она знала: нельзя говорить слишком поспешно. Нельзя оправдываться, как истеричная девочка. Нельзя плакать. Нельзя умолять. При дворе запах страха привлекал хищников сильнее крови.

Королева, сидевшая по правую руку от мужа, слегка наклонила голову. Ее тонкие пальцы, украшенные кольцами с сапфирами, медленно погладили подлокотник трона.

— Как удобно, — протянула она. — В день объявления помолвки.

Лиара не ответила. На королеву нельзя было смотреть слишком долго. От ее мягкого голоса у Лиары всегда возникало ощущение шелковой петли на шее.

Капитан продолжил:

— Помимо артефакта, у леди Рейнмар найдено письмо с печатью западных княжеств.

К нему добавили свернутый лист. Красный воск уже был надломлен. Печать — не ее дома.

Лиара почувствовала, как по позвоночнику прошел холодный, липкий страх. Настоящий. Живой.

Теперь это было не просто подброшенное сокровище. Это был тщательно выстроенный приговор.

— Я этого письма не писала, — сказала она.

— Но оно было спрятано рядом с артефактом, — отозвался канцлер.

— Значит, и его подложили.

По залу прошел смешок. Кто-то тут же его задавил, но поздно.

Лиара уловила боковым зрением движение: Эйден наконец повернул голову и посмотрел на нее.

Она хотела увидеть в его лице хотя бы сомнение. Хотя бы краткое усилие разума. Они были знакомы три года. Он знал ее достаточно, чтобы понимать: она слишком осторожна для такой грубой измены, слишком умна, чтобы спрятать краденое в собственном сундуке накануне помолвки, слишком... слишком.

Но на его лице не было ничего, кроме холодной, почти утомленной отстраненности.

И именно тогда она поняла, что осталась одна.

— Леди Лиара, — сказал король. — У тебя есть нечто более убедительное, чем отрицание?

Ее взгляд невольно метнулся по лицам. Отец стоял в рядах знати чуть позади, суровый, неподвижный, будто вырезанный из камня. Он не выступил вперед. Не потребовал слова. Не потребовал времени. Даже не встретил ее взгляд.

Позор уже был подсчитан, взвешен и распределен.

Лиара распрямила плечи.

— У меня есть лишь мое слово.

— Этого недостаточно, — тихо произнесла королева.

— Для тех, кто заранее решил исход, — ответила Лиара прежде, чем успела остановиться.

Тишина ударила по залу.

Отец едва заметно побледнел. Кто-то из придворных резко отвернулся, будто ожидая немедленного наказания.

Король прищурился.

— Ты забываешься.

— Нет, ваше величество, — сказала она, чувствуя, как сердце бьется уже где-то в горле.

— Я просто понимаю, что меня не собирались слушать.

— Довольно, — оборвал канцлер.

Эйден наконец шагнул вперед.

Все взгляды обернулись к нему. Даже воздух, казалось, натянулся.

— Разрешите мне сказать, — произнес он.

Король едва заметно кивнул.

Лиара смотрела на принца так, будто от одного его вдоха зависела ее жизнь. И, возможно, так оно и было.

Эйден остановился в нескольких шагах от нее. Она знала каждый изгиб этого красивого, безупречного лица. Сдержанный рот. Холодный взгляд. Тот блеск в радужке, который особенно ярко вспыхивал, когда в нем просыпалась драконья кровь.

— Дом Валдрей не может связать себя с женщиной, на которую пало подозрение в измене короне, — сказал он ровно.

Лиара не сразу осознала смысл слов. Они дошли до нее с запозданием, с резью, будто в плоть вошло что-то тонкое и ледяное.

— Эйден, — выдохнула она, впервые за вечер забыв о придворной форме.

Он не изменился в лице.

— Я отрекаюсь от этой помолвки.

В зале словно лопнула невидимая жила. Шепот, сдавленные вздохи, чужое наслаждение под маской ужаса.

Лиаре показалось, что пол под ногами на миг качнулся.

Не боль. Нет. Боль пришла бы позже. Сейчас в ней было что-то жестче — ослепляющая пустота, в которой слишком ясно стало видно, кто чего стоит.

Она перевела взгляд на отца. Тот склонил голову. Не в ее сторону — перед троном. Словно соглашаясь.

Ее продали дважды. И оба раза без колебаний.

— Тогда, — сказала королева, — остается только решить, как наказать изменницу.

Слово упало в зал с такой легкостью, будто речь шла не о жизни, а о запятнанной ткани.

— Казнь, — бросил кто-то из советников.

— Публичную, — тут же поддержал другой. — Чтобы остальные не забывали цену верности.

— Сначала допрос, — отозвался канцлер. — Если она действовала не одна...

— Она не действовала, — сказала Лиара, но уже знала, что ее голос не имеет веса.

Король медленно поднялся.

И вот тогда в зале стало по-настоящему страшно.

От него исходила сила — древняя, густая, жаркая, как дыхание печи. Свечи задрожали. Тени на колоннах вытянулись.

— Лиара Рейнмар, — проговорил он, — ты обвиняешься в измене короне, хранении похищенного артефакта и связи с врагами трона. До выяснения всех обстоятельств...

Он не договорил.

Потому что у Лиары вдруг обожгло левое запястье.

Боль пришла мгновенно и яростно. Не как порез. Не как ожог. Как будто под кожу вогнали раскаленное клеймо, прожигая плоть до самой кости. Она резко втянула воздух и невольно схватилась за руку.

Рукав платья затрещал.

В следующую секунду шелк на запястье вспыхнул золотисто-черным светом.

Кто-то вскрикнул.

Лиара уставилась на собственную кожу.

Прямо под тонкой сетью вен проступал знак.

Сначала — как линия жидкого огня. Потом — как узор, вырезанный светом изнутри: переплетенные дуги, острые, как когти, круг, рассеченный надвое, и в самом центре — крошечное пламя, черное у краев и золотое в сердце.

Метка истинной пары.

Нет.

Этого не могло быть.

Она слышала легенды. Все при дворе их слышали. О древней драконьей магии, которая сама выбирала союз, сильнее договора, сильнее воли дома, сильнее короны. Но за последние сто лет метка почти не являлась. Старые роды называли ее благословением. Новые — угрозой порядку.

Лиара подняла голову — и увидела, что смотрят не на нее.

Все взгляды были устремлены вправо, за спину Эйдена.

Туда, где в тени между колоннами стоял мужчина, которого она прежде почти не замечала лишь потому, что старалась не смотреть слишком долго.

Старший сын короля. Тот, кого при дворе называли по-разному: Черный принц, Северный клык, Пепельный дракон. Тот, о ком шептались тише, чем о смерти.

Кайрен Валдрей.

Он не участвовал в церемонии. Не стоял рядом с тронном. Не носил белого с золотом, как наследник. На нем был темный камзол без лишнего шитья, высокие черные перчатки и плащ цвета гаснущего угля. В полумраке его лицо казалось резче, чем у брата: скулы, словно высеченные ножом, жесткий рот, длинные темные волосы, убранные назад. И глаза.

Даже издали Лиара увидела, как в них вспыхнул тот же золотой огонь, что прожигал сейчас ее запястье.

Его правая рука была обнажена до запястья.

На коже горела такая же метка.

Зал замер.

По-настоящему. До той мертвой тишины, в которой слышно, как потрескивает воск свечей.

Эйден резко обернулся. На его лице впервые за весь вечер дрогнуло нечто человеческое — не боль, не ревность, а почти оскорбленное неверие.

Королева побледнела.

Король смотрел на старшего сына так, словно перед ним вдруг раскрылась старая рана.

Лиара не могла вдохнуть.

Метка пульсировала на запястье, отдаваясь жаром в груди. Она чувствовала, как этот огонь тянется куда-то вовне — не к Эйдено, не к трону, не к ее дому. К мужчине в тени, чье присутствие всегда ощущалось в зале как невидимый нож у горла.

Кайрен шагнул вперед.

И вместе с этим шагом что-то изменилось в воздухе. Он стал тяжелее, плотнее. Несколько придворных инстинктивно отступили. Его боялись даже те, кто привык изображать бесстрашие.

Лиара знала о нем лишь обрывки. Командовал северными легионами. Подавил три мятежа. Вернулся из Пепельной долины один, когда весь отряд считали погибшим. Не просил милости. Не искал одобрения. Не улыбался без причины. И никогда не забывал обиды.

Хуже этого мужчины для истинной пары нельзя было выдумать.

Он остановился напротив нее, чуть левее, так что ей пришлось поднять лицо. Вблизи он казался не просто опасным — слишком собранным, слишком живым, словно под человеческой кожей действительно дремал зверь. От него пахло холодом, дымом и железом. Не духами двора. Не вином. Войной.

Его взгляд скользнул по ее лицу, задержался на запястье, потом снова поднялся к глазам.

В этом взгляде не было нежности. Ни изумления, ни восторга. Только сосредоточенная, темная настороженность. И что-то еще, от чего по спине Лиары прошел новый холод: он не отшатнулся.

Он принял факт быстрее всех в этом зале.

— Это невозможно, — первой нарушила тишину королева. Ее голос дрогнул, хотя она тут же взяла себя в руки. — Метка не может...

— Метка может все, что пожелает древняя кровь, — перебил король так резко, что даже она замолчала.

Кайрен перевел взгляд на отца.

— Значит, обвиняемую нельзя казнить, — сказал он.

Он говорил негромко, но каждое слово падало тяжело.

Канцлер вспыхнул:

— Ваше высочество, перед нами изменница!

— Перед вами, — спокойно уточнил Кайрен. — Моя истинная пара.

По залу прокатился потрясенный шепот.

Лиару обожгло стыдом, яростью и чем-то еще, совсем непрошеным. Слишком интимно это прозвучало. Слишком открыто. Слишком безжалостно.

Эйден смотрел на брата так, будто видел перед собой соперника, а не родственника.

— Ты готов защищать ее? — спросил он, и под тщательно ровным тоном уже тлело что-то опасное.

Кайрен даже не повернул головы.

— Я готов не позволить вам убить женщину, которую связала со мной кровь дома Валдреев.

— Даже если она предательница?

Только теперь Кайрен взглянул на него. И этот короткий взгляд оказался хуже любого крика.

— Особенно если кто-то слишком торопится назвать ее предательницей.

Лиара ощутила, как в зале меняется ток страха. Теперь он был направлен уже не только на нее.

Король медленно сел обратно, не сводя глаз со старшего сына.

— Ты понимаешь, о чем просишь?

— Да.

— И готов принять последствия?

— Да.

— Даже если это ударит по наследованию?

При этих словах тишина стала еще плотнее. Придворные ловили каждое движение. Каждый вдох. Будто перед ними на мраморе уже развернули карту будущей войны.

Кайрен выдержал взгляд отца.

— Я не просил о метке, — сказал он. — Но не откажусь от нее.

Лиара почувствовала, как по коже пробежала дрожь.

Ей следовало ненавидеть его за этот тон, за право говорить о ее судьбе так, будто она уже принадлежала ему по древнему закону. Следовало. И все же часть ее, самая усталая и самая животная, с ужасом ощутила не только угрозу, но и облегчение.

Казнь отступила на шаг.

Возможно, только ради того, чтобы на ее место пришло нечто хуже.

— Леди Лиара, — произнес король, и теперь в его голосе было не прежнее спокойное величие, а тяжелое раздражение человека, которого судьба заставили играть по чужим правилам. — Ты признаешь метку?

Она посмотрела на свое запястье. Знак продолжал гореть. Не исчезал. Не тускнел. Он был реальнее мрамора под ногами, реальнее свечного дыма, реальнее ее собственного дыхания.

— Я... не могу ее отрицать.

— Но обвинение в измене ты по-прежнему отвергаешь?

— Да.

Королева сжала губы.

— Как удобно, — сказала она снова, но теперь в ее голосе слышался не холодный триумф, а злость.

Король поднял руку, заставляя всех умолкнуть.

— До окончания расследования леди Лиара Рейнмар переходит под личную ответственность принца Кайрена Валдрея.

Зал взорвался шепотом.

— Она не имеет права покидать дворец без его позволения.

— Ваше величество, — начал канцлер.

— Довольно.

Золотые глаза короля сверкнули так ярко, что канцлер осекся.

— Если девушка действительно связана истинностью с драконьей кровью, мы не станем рубить с плеча. Но если выяснится, что она виновна...

Он не закончил. И не нужно было. Все поняли.

Лиара тоже.

Ее жизнь не была спасена. Ее просто временно не отдали палачу.

Кайрен сделал шаг и протянул руку.

Не для поцелуя. Не для красивого жеста перед двором.

Просто ладонь, открытая и требовательная, как приказ.

Лиара смотрела на нее несколько ударов сердца.

Подчиниться у всех на глазах значило признать новую зависимость. Отказаться — спровоцировать скандал, на который у нее больше не было ни сил, ни права.

Она вложила пальцы в его ладонь.

Его рука оказалась горячее, чем она ожидала. Жестче. На краткий миг метка вспыхнула сильнее, и между их кожей будто пробежал разряд — не боль, а темное, низкое содрогание, от которого у нее сбилось дыхание.

Кайрен это почувствовал. Она увидела, как едва заметно напряглась его челюсть.

Не говоря ни слова, он развернулся и повел ее через зал.

Придворные расступались перед ними, будто перед огнем. Лиара шла, высоко держа голову, хотя все внутри дрожало. Она чувствовала на себе взгляды — злорадные, испуганные, голодные. Слышала обрывки шепота.

Изменница.

Истинная.

Проклятая.

Черный принц.

Когда они проходили мимо Эйдена, Лиара не собиралась смотреть на него. Но не смогла удержаться.

Их взгляды встретились всего на миг.

В глазах бывшего жениха не было сожаления. Только ледяная, оскорбленная ярость человека, у которого из рук вырвали что-то, что он считал своим по праву.

Это ударило неожиданно сильно.

Не потому, что она любила его. Нет. Она никогда не была настолько глупа. Но увидеть себя в чужих глазах вещью — даже теперь — оказалось больнее, чем она хотела бы признать.

Кайрен не замедлил шага. Но его пальцы на мгновение сжались крепче, будто он уловил ее слабость и уже отметил ее про себя.

Они почти дошли до дверей, когда из-за спины донесся голос отца:

— Лиара.

Она остановилась бы. По привычке. По старой, выдрессированной в детстве потребности повиноваться.

Но Кайрен не остановился.

Только чуть повернул голову через плечо.

И этого оказалось достаточно.

Ее отец замолчал.

Лиара не обернулась.

Они вышли из зала в длинный коридор, залитый более тусклым светом. Здесь пахло камнем, холодом и погасшими факелами, а не благовониями. После душного сияния тронного зала воздух показался почти ледяным.

Только когда двери закрылись за их спинами, Лиара выдернула руку.

— Не смейте, — сказала она тихо, срывающимся голосом. — Не смейте вести себя так, будто я уже принадлежу вам.

Кайрен остановился.

Медленно повернулся к ней.

В пустом коридоре он казался еще выше, еще темнее. Его взгляд скользнул по ее лицу, словно он оценивал не слова, а то, насколько она способна стоять после всего случившегося.

— При дворе тебе только что требовали голову, — произнес он. — А ты решила спорить со мной из-за руки?

— Я решила напомнить, что я не трофей.

— Нет, — сказал он. — Ты — проблема.

Ее щеки вспыхнули.

— Тогда избавьтесь от меня.

— Если бы мог, — отозвался он, и в его голосе мелькнуло нечто опасно близкое к усталости, — зал бы уже праздновал.

Лиара замерла.

Метка на запястье опять пульсировала — тише, но ощутимо. Как будто слышала его лучше, чем ей хотелось.

— Вы мне не верите, — сказала она.

— Я не верю никому при этом дворе.

— Даже себе?

Угол его рта дрогнул. Не улыбка. Слишком жестко для нее.

— Особенно себе.

На миг между ними повисла странная, тяжелая тишина. Не безопасная. И не враждебная до конца. Такая тишина бывает перед бурей, когда воздух уже пахнет молнией.

Лиара впервые за весь вечер ощутила настоящий страх не перед казнью, не перед позором, не перед интригой.

Перед ним.

Перед тем, что теперь он стоял слишком близко. Что его запах дыма и холода запоминался слишком легко. Что ее тело, предав ее разум, замечало это.

— Кто-то подставил меня, — сказала она, потому что молчание становилось невыносимым. — И если вы думаете, что я буду покорно ждать, пока меня признают виновной...

— Ты будешь делать ровно то, что я скажу, — перебил он.

— Я не одна из ваших солдат.

— Нет. Они хотя бы иногда слушаются с первого раза.

Ярость дала ей силу шагнуть к нему на полшага ближе.

— Тогда ищите другую истинную пару.

Его глаза полыхнули.

И в этот миг Лиара поняла, что сказала нечто опасное — не потому, что это было дерзко, а потому, что задело то место, которое и он сам предпочел бы не трогать.

Кайрен наклонился к ней чуть ближе. Не касаясь. Не нарушая границу до конца. И от этого стало только хуже.

— Послушай внимательно, леди Рейнмар, — сказал он тихо. — У тебя больше нет роскоши выбирать, кто тебе нравится, кто тебе подходит и с кем ты предпочла бы быть связана. Сегодня тебя либо убили бы, либо отдали мне. Я пока не решил, что из этого милосерднее.

У Лиары перехватило дыхание.

Ей следовало отступить. Следовало отвернуться, чтобы не дать ему увидеть, как глубоко эти слова вошли под кожу.

Но она осталась на месте.

— Тогда решайте быстрее, ваше высочество, — прошептала она. — Потому что если тот, кто меня подставил, не закончил, следующая попытка может оказаться удачнее.

На этот раз он замолчал.

И вдруг вскинул голову, будто услышал что-то за пределами коридора. Его лицо изменилось мгновенно — застыло, стало хищно-собранным.

Лиара не успела спросить.

Из-за угла донесся женский крик.

Кайрен схватил ее за локоть и одним движением оттащил к стене, закрывая собой.

В следующую секунду в пол там, где она стояла, врезался тонкий черный болт.

Камень треснул. По мрамору побежали черные жилы магии, и из них поднялся едкий запах жженой кости.

Лиара уставилась на болт, не в силах сразу осознать, что произошло.

Не предупреждение.

Не угроза.

Попытка убить.

Кайрен медленно поднял голову и посмотрел в темный проем коридора, куда уже отступил стрелок — или то, что было стрелком.

Его пальцы на ее локте стали железными.

— Похоже, — произнес он так тихо, что от этого по коже пошел холод, — кто-то при дворе очень боится, что ты доживешь до утра.

Глава 2. Его право забрать

Лиара не успела ни вскрикнуть, ни отшатнуться.

Кайрен уже отпустил ее локоть — лишь затем, чтобы в следующее мгновение выбросить вперед руку. Воздух перед ним дрогнул, как натянутая черная ткань, и в проеме коридора вспыхнул короткий, ослепительно-золотой разрез. За ним раздался хрип, звон металла о камень и тяжелый удар тела о пол.

Запах жженой кости стал резче.

— Стоять здесь, — приказал он.

Слово прозвучало тихо, но в нем было столько холодной власти, что у Лиары дрогнули пальцы. Он уже двинулся вперед, скользя почти бесшумно, и мрак коридора будто подался ему навстречу.

Она осталась прижатой к стене, чувствуя спиной лед камня. Сердце билось так сильно, что больно толкалось под ребрами. На полу у ее ног черный болт все еще тлел, прожигая мрамор темными прожилками. Магия в нем жила недолго, но и этого было довольно, чтобы понять: стреляли не просто сталью. Стреляли чем-то приготовленным заранее. Чем-то, рассчитанным убить быстро и наверняка.

Из-за угла послышался короткий приглушенный стон.

Лиара сглотнула. Она должна была стоять на месте. Должна была слушаться хотя бы сейчас. Но тело уже не слушалось приказов так же безоговорочно, как раньше. Слишком многое изменилось за один вечер. Слишком многое было вырвано у нее из рук.

Она осторожно сделала шаг вперед.

И почти сразу увидела.

У дальнего поворота коридора на коленях стоял человек в форме дворцовой стражи. Его шлем откатился в сторону. Лицо было серым, губы — в крови. Одна рука судорожно зажимала горло, где под пальцами сочился свет — не красный, а густо-золотой, как расплавленный металл. Перед ним стоял Кайрен, высокий, неподвижный, и только его правая ладонь еще тлела остатком магии.

— Кто приказал? — спросил он.

Голос его не повышался. Оттого становилось еще страшнее.

Страж дернулся, пытаясь что-то сказать, но изо рта пошла кровь.

Кайрен присел перед ним на корточки. Совсем чуть-чуть наклонил голову, вглядываясь в лицо так, словно это было не лицо человека, а плохо написанный приказ, который нужно разобрать до конца.

— Я повторю только один раз, — произнес он. — Кто приказал?

Мужчина закашлялся. Кровь темной нитью потекла по подбородку. В его глазах был не только страх — паника человека, который боится не того, кто его допрашивает, а того, кого не успел назвать.

Лиара почувствовала, как холод поднимается по спине выше.

Страж распахнул рот.

Из его горла вырвался булькающий звук, слишком глухой для слова.

И в следующую секунду тело выгнуло дугой.

Под кожей на шее вспыхнул тот же черный огонь, что тлел в болте. Лиара даже не сразу поняла, что видит: будто кто-то изнутри прожег в нем печать. Вонь горелой плоти ударила в нос. Мужчина захрипел, дернулся еще раз и обмяк.

Мертв.

Кайрен выругался — негромко, сквозь зубы, но это было первое настоящее человеческое раздражение, которое Лиара услышала в его голосе.

Он поднялся и обернулся к ней так резко, что она невольно вздрогнула.

— Я приказал тебе стоять на месте.

— А я не привыкла ждать, пока люди умирают в десяти шагах от меня.

Он несколько мгновений просто смотрел на нее. Потом его взгляд опустился ниже — на ее лицо, на распахнутый ворот платья, на запястье с горячей меткой, и снова поднялся к глазам.

— Привыкай, — сказал он. — При дворе это полезный навык.

Лиару передернуло.

— Его заставили замолчать?

— Да.

— Как?

— Кто-то поставил на него печать срыва. Если он попадется или попытается выдать имя, магия убивает раньше, чем он успеет договорить.

— Значит, это не случайность, — тихо сказала она. — И не чья-то поспешная злоба после церемонии. Это подготовили заранее.

— Я заметил.

Она сжала зубы. Даже сейчас, после нападения, в нем не было ни капли утешения. Только эта невыносимая сухая собранность, будто ее едва не убили не в двух шагах, а на чужой войне, которая давно перестала кого-либо удивлять.

Кайрен шагнул к мертвому стражнику, наклонился и двумя пальцами поднял с пола медальон, сорвавшийся с форменного дублета. Лиара увидела королевский герб, перечеркнутый тонкой царапиной. Намеренной.

— Он не из личной гвардии отца, — сказал Кайрен.

— Поддельная форма?

— Или купленная верность.

Он распрямился и сунул медальон в карман камзола.

С дальнего конца коридора уже доносились шаги. Много шагов. Слишком торопливых, чтобы быть случайными. Кайрен тоже их слышал. Лицо его стало непроницаемым.

— Ни слова, — произнес он.

— Вы думаете, я стану кричать о том, что меня только что пытались убить?

— Я думаю, ты способна сказать что-нибудь слишком умное в неподходящий момент.

Прежде чем она успела ответить, из-за поворота появились люди. Двое стражников, капитан внутренней охраны, придворный лекарь и та самая молодая фрейлина, чей крик Лиара слышала. Девушка была бледна до синевы, обеими руками прижимала к груди смятый платок и смотрела на мертвое тело так, будто сейчас лишится чувств.

Капитан замер, увидев принца.

— Ваше высочество...

— В коридоре нашли нападавшего, — отрезал Кайрен. — Он мертв. Осмотрите тело. Заприте все выходы западного крыла. Никого не выпускать без моего приказа.

Капитан быстро склонил голову. Но его взгляд метнулся сначала к мертвецу, потом к Лиаре, и эта доля секунды выдала слишком многое: новость уже успела обрести форму слуха. Ее не просто обвиняли. Ее уже связали с опасностью. С кровью. Со скандалом.

Фрейлина, заметив ее взгляд, тут же опустила глаза.

— Леди испугалась, — проговорил Кайрен ровно, словно сообщал о погоде. — Отведите ее к старшей распорядительнице. И скажите, что отныне леди Лиара Рейнмар не находится ни под чьим надзором, кроме моего.

Капитан слегка поколебался.

— Ваше высочество, распоряжения королевы...

Кайрен повернул голову.

Это было едва заметное движение. Но капитан осекся так резко, словно ему перерезали горло прямо на середине фразы.

— Ты плохо расслышал? — спросил Кайрен.

— Нет, ваше высочество.

— Хорошо. Тогда не заставляй меня повторять.

Лиара увидела, как капитан побледнел.

Еще несколько часов назад этот человек, должно быть, не поклонился бы ей глубже положенного. Теперь он избегал даже смотреть в ее сторону, будто на коже у нее светилась не метка, а проказа.

И все это — из-за мужчины, стоявшего рядом.

Из-за его права забрать ее.

Эта мысль ударила неожиданно сильно.

Кайрен повернулся к ней:

— Идем.

Лиара не двинулась.

— Куда?

— Туда, где ты доживешь до рассвета с большей вероятностью.

— В темницу?

В его глазах что-то дрогнуло. Не веселье — скорее мрачное раздражение.

— Если бы я хотел посадить тебя под замок, ты бы уже шла туда в кандалах.

— А сейчас что, свобода?

Он подошел на один шаг ближе, и даже среди суеты коридора она почувствовала, как пространство вокруг них сжалось.

— Сейчас, леди Рейнмар, — сказал он негромко, — ты все еще дышишь. Не путай это с привилегией.

Он развернулся, не дожидаясь ответа.

Лиаре ничего не оставалось, кроме как идти следом.

Они миновали парадные галереи и ушли туда, куда гостей дворца не водили никогда. Здесь исчезли золото и зеркала. Стены стали темнее, факелы — реже, а тишина — плотнее. Камень под ногами был старше остального дворца, шероховатее, будто помнил времена, когда этот дом строили не для приемов и балов, а для осады.

По пути им почти никто не встретился. Лишь раз у узкой арки показались двое воинов в темной форме без гербов — не дворцовая стража, а люди Кайрена. Они склонили головы не ей, только ему. Один задержал взгляд на метке у нее на запястье, и в этом взгляде было не любопытство, а хмурое понимание: новость уже разошлась туда, куда обычно доходят не слова, а приказы.

Лиара старалась идти прямо, не выдавая того, как у нее подкашиваются ноги.

Платье, сшитое для объявления помолвки, теперь казалось издевкой. Тяжелая юбка цеплялась за щиколотки, рубины на горле душили, волосы, уложенные для церемонии, тянули кожу на затылке. Она чувствовала себя наряженной жертвой, которую провели не к алтарю, а на разделочный стол.

Кайрен шагал впереди, не оглядываясь, и это раздражало почти так же сильно, как его присутствие рядом. Словно он был уверен: она все равно последует. Словно у нее и правда больше не осталось ни дверей, ни дороги, кроме той, что он для нее выберет.

Они поднялись по винтовой лестнице, свернули под низкий свод, прошли мимо старых gobelenов, почерневших от времени, и остановились перед массивной дверью из темного дуба. На железной накладке был выжжен знак драконьего когтя.

Кайрен коснулся замка. Металл едва слышно щелкнул и сам отошел в сторону.

Комната за дверью оказалась большой, но неожиданно лишенной роскоши. Никакой дворцовой сладости. Высокие узкие окна в свинцовых переплетах, камин с почти прогоревшими углями, стол из черного дерева, книжные полки, оружейная стойка у стены, тяжелые шторы цвета угля. В воздухе стоял запах дыма, кожи, железа и хвои, принесенной зимним ветром из щелей.

Это были не гостевые покои.

Это было его место.

Лиара остановилась на пороге.

Кайрен закрыл дверь.

Щелчок замка прозвучал слишком отчетливо.

Она медленно обернулась.

— Вы заперли меня.

— Да.

— И даже не станете притворяться, будто это ради моего покоя?

— Нет.

Он снял перчатки и бросил их на стол. Его движения были экономными, точными. Каждое словно говорило: здесь все подчиняется не удобству, а необходимости.

Лиара сделала шаг назад.

— Значит, пленница.

— Значит, живая.

— Вы поразительно любите это слово.

— Потому что сегодня оно слишком легко могло стать прошедшим временем.

Ее губы сжались. Она ненавидела, когда он говорил правду так, будто это тоже оружие.

Кайрен подошел к камину, подбросил в огонь несколько поленьев. Пламя вспыхнуло, бросив на его лицо медные отсветы. Без перчаток он казался еще опаснее. На правом запястье метка тлела чуть слабее, чем раньше, но не исчезла. Темный узор на коже был почти красивым. Почти.

Лиара отвела взгляд первой.

— Вы собираетесь держать меня здесь?

— Пока не пойму, где тебя можно оставить без риска найти утром на полу с перерезанным горлом, — ответил он.

— Очаровательно.

— Я не пытаюсь тебя очаровать.

— Это единственное, в чем я не сомневаюсь.

Его взгляд скользнул по ней еще раз — не мягко, не бережно, а словно он отмечал все: дрожь в пальцах, слишком прямую спину, бледность, упрямо вздернутый подбородок.

— Сними с себя это, — сказал он.

Лиара замерла.

— Что?

— Рубины. Диадему. Все, что звенит, сверкает и напоминает всему дворцу, на какую церемонию тебя вели.

Щеки обдало жаром.

— Вы могли бы выражаться яснее.

— Я выражаюсь предельно ясно. Или помочь?

— Только попробуйте.

На краткий миг в его глазах мелькнуло что-то темное, едва уловимое. Метка у нее на запястье тут же отозвалась жаром, и это было хуже любой прямой угрозы.

Лиара резко подняла руки к горлу и сорвала ожерелье так поспешно, что застежка царапнула кожу. Тяжелые рубины ударились о стол. Потом — серьги. Диадема. Браслеты. Каждая

вещь, снятая с тела, оставляла ощущение не облегчения, а какого-то унижительного освобождения, будто с нее по кускам снимали роль, к которой готовили с детства.

Кайрен молчал.

Только когда она швырнула на стол последний браслет, он сказал:

— Сядь.

— Я не собака.

— А я не в настроении спорить.

— Тогда сегодня вам не повезло.

Он медленно выдохнул. Подошел к столу, налил в кубок воды и поставил перед ней.

— Сядь, Лиара.

То, что он впервые назвал ее по имени без титула, прозвучало странно. Слишком просто. Слишком близко. Словно между приказом и этим именем пролегла тонкая, опасная трещина.

Она все-таки села. Не потому, что подчинилась, — так она сказала бы себе. Просто ноги начали подводить.

Кайрен не сел напротив. Он остался стоять, опершись ладонями о край стола.

— Сейчас ты ответишь на мои вопросы.

— А если нет?

— Тогда я решу, что ты либо глупа, либо виновна.

— Вы и так уже что-то решили.

— Нет. Пока я решаю, насколько глубоко ты увязла и понимаешь ли это сама.

Она вскинула голову.

— Я ничего не брала.

— Это я уже слышал.

— Тогда зачем спрашивать?

— Потому что я хочу услышать все остальное.

Огонь в камине потрескивал слишком громко. За окнами гудел ветер. Замкнутое пространство комнаты, его спокойствие, ее усталость — все это давило сильнее, чем крики в тронном зале.

— Когда ты в последний раз была в своей спальне одна? — спросил он.

Лиара нахмурилась.

— Вчера вечером. До ужина.

— Кто заходил после?

— Горничная. Портниха с примеркой рукавов. Две фрейлины королевы — принесли ленты для церемонии. Потом...

Она запнулась. В памяти вдруг всплыл сладковатый запах чужих духов. Слишком терпких. Слишком густых для служанки.

— Потом?

— Потом приходила Ивена.

— Кто это?

— Младшая фрейлина королевы. Она сказала, что Ее величество велела передать новый шлейф, потому что старый показался слишком скромным.

Кайрэн моргнул, но что-то в его лице стало еще более собранным.

— Ты оставляла ее одну?

— На несколько минут. Меня позвали к отцу.

— О чем вы говорили?

Лиара коротко рассмеялась. Безрадостно.

— О достоинстве дома. О том, что сегодня я обязана молчать, улыбаться и не позорить фамилию даже выражением лица.

— Значит, он тоже оставил тебя без защиты.

Она резко подняла взгляд.

— Мой отец не обязан был защищать меня от собственного дворца.

— Ошибаешься. Именно от собственного дворца родные и должны защищать в первую очередь.

В его голосе не было ни сочувствия, ни мягкости. Только сухой вывод. И почему-то это задело сильнее. Словно он увидел в самой сердцевине ее жизни что-то настолько уродливое, что даже не счел нужным приукрашивать.

— Вы очень многое позволяете себе говорить о моем доме.

— После того как твой дом отдал тебя на растерзание? Да.

— Они не знали...

— Хватит.

Одно слово — и она замолчала. Не от страха. От ярости, которая внезапно обожгла горло.

Кайрен отошел от стола и подошел к окну. Несколько мгновений стоял спиной к ней, глядя в черноту двора.

— Тот, кто подбросил артефакт, был уверен, что успеет до объявления помолвки, — сказал он наконец. — Или знал точный момент, когда обвинение прозвучит особенно выгодно.

— Чтобы мой позор стал публичным.

— Чтобы твоя казнь стала неизбежной, — поправил он.

Лиара стиснула пальцы.

— Вы говорите об этом так спокойно.

— Потому что истерика тебя не спасет.

— А вас — избавит от неудобной метки?

Он повернулся.

На этот раз его взгляд был темнее, глубже. Почти тяжелее воздуха.

— Нет. Но она избавила меня от выбора, который я предпочел бы сделать сам.

Метка на ее запястье тут же полыхнула. Лиара сжала руку так быстро, будто могла скрыть этот отклик даже от него.

— Вы настолько ненавидите саму мысль об этой связи?

— Я ненавижу, когда меня вынуждают.

Она не знала, почему его ответ ударил так сильно. Ведь именно этого и следовало ожидать. Он не просил ее. Не выбирал. Не добивался. Их просто связали — кровь, случай, древняя магия, насмешка судьбы. Но услышать это вслух оказалось почти больнее, чем видеть отречение Эйдена.

Наверное, потому, что Кайрен хотя бы не лгал.

— Вы могли оставить меня в зале, — сказала она тихо.

— Мог.

— Но не оставили.

Он некоторое время молчал.

— Я не привык отдавать то, что уже пометило меня своим, — произнес он наконец.

От этих слов по телу прошла ледяная дрожь.

Не нежность. Не защита. Не обещание.

Присвоение.

Лиара медленно встала.

— Я не вещь.

— Тогда не веди себя как добыча.

Она шагнула к нему, не замечая, что сама сокращает расстояние.

— А как именно мне вести себя, когда король объявляет меня почти изменницей, мой отец молчит, бывший жених отрекается при всех, а вы закрываете меня у себя и говорите о моем положении так, будто я уже часть вашей собственности?

Кайрен тоже сделал шаг. Теперь между ними осталось меньше вытянутой руки.

— Как человек, который хочет выжить.

Его голос стал тише.

— А не как женщина, которая путает гордость с бессмысленным самоубийством.

Лиара подняла подбородок.

— Моя гордость — это единственное, что у меня не успели отнять.

Он медленно опустил взгляд на ее рот, потом снова в глаза. Совсем коротко. Но ей хватило и этого, чтобы воздух в комнате стал гуще.

— Не единственное, — сказал он.

Она не сразу поняла, о чем он.

А потом поняла — и кровь прилила к щекам так стремительно, что захотелось ударить его. Или себя. Или опрокинуть ближайший стол, лишь бы разорвать это невыносимое ощущение: страх, стыд, раздражение и что-то еще, слишком темное и слишком живое, чтобы назвать.

— Вы отвратительны, — прошептала она.

— А ты дрожишь не только от ненависти.

Лиара занесла руку быстрее, чем успела подумать.

Пощечина не прозвучала.

Он перехватил ее кисть на полпути.

Твердо. Без усилия. Как будто ждал.

Она замерла, тяжело дыша. Он тоже не двигался. Только его пальцы медленно, мучительно медленно сжались вокруг ее запястья — именно там, где горела метка.

Мир сузился до этого прикосновения.

Боль не пришла. Пришло нечто хуже: жар, рванувший вверх по руке, ударивший в грудь, в горло, под кожу. У Лиары сбилось дыхание. У Кайрена на миг потемнели глаза.

Он отпустил ее резко, будто сам проклял этот контакт.

Лиара отшатнулась на шаг и прижала руку к груди.

— Что это было?

— Связь, — глухо ответил он.

— Она не должна...

— Метка никого не спрашивает, что она должна.

Он отвернулся первым. Подошел к камину, уперся ладонью в каменную полку. Несколько секунд стоял неподвижно, и только по напряженной линии плеч Лиара понимала: ему это далось не легко.

Страх в ней смешался с другим чувством, куда опаснее. С осознанием, что между ними есть нечто, чего нельзя игнорировать, обругать или свести к одному только гневу. И это нечто будет тянуть, злить, унижать и ломать их обоих, пока один не уступит — или не сгорит.

— Вам известно что-нибудь о таких метках? — спросила она, пытаясь вернуть голосу ровность.

— Достаточно, чтобы знать: чем чаще мы будем касаться друг друга без контроля, тем хуже.

— Хуже как?

— Зависит от силы связи. Боль. Лихорадка. Срывы магии. Потеря сна. Навязчивое ощущение чужого присутствия. У драконьей крови это бывает... неприятно.

— Вы говорите так, будто уже проходили через подобное.

— Нет. Поэтому и не намерен выяснять опытным путем, где у этой связи предел.

Лиара посмотрела на него пристальнее.

— Значит, даже для вас это неожиданность.

Он усмехнулся — едва заметно и безрадостно.

— Ты думала, я тайно мечтал получить истинную пару в день, когда тебя собирались отдать брату?

Она промолчала.

Он обернулся.

— Не лъсти себе.

Ей захотелось снова ударить его. И почти сразу — потребовать, чтобы он перестал смотреть так, будто видит каждый слой ее злости насквозь.

В дверь коротко постучали.

Кайрен подошел, не спрашивая, кто там, и открыл ровно настолько, чтобы загородить собой комнату. За порогом стоял один из его людей — высокий, черноволосый, со шрамом у виска. Он быстро поклонился.

— Ваше высочество. Приказ выполнен. Западное крыло перекрыто. Тело забрали. Капитан внутренней стражи просит распоряжений по допросам.

— Пусть ждет, — отрезал Кайрен. — Кто видел нападение?

— Фрейлина Ее величества, двое стражников и лекарь.

— Их разобщить. Никого не отпускать до моего разрешения.

— Да, ваше высочество.

Воин скользнул взглядом в комнату — не прямо на Лиару, а чуть левее, с тем осторожным уважением, которым смотрят на опасную перемену, еще не решив, бояться ее или чтить. Потом добавил:

— И еще одно. Ее величество прислала сказать, что желает видеть леди Рейнмар немедленно.

Лиара напряглась.

Кайрен даже не моргнул.

— Передай Ее величеству, что леди Рейнмар сегодня никого не принимает.

Воин едва заметно поколебался.

— Это слова для королевы?

— Это приказ, — сказал Кайрен. — Или тебе нужно объяснить разницу?

— Нет, ваше высочество.

Дверь закрылась.

Лиара смотрела на него, не скрывая недоверия.

— Вы только что отказали королеве.

— Да.

— Ради меня?

— Не обольщайся. Ради того, чтобы тебя не допросили в шелках и с улыбкой прежде, чем я сам пойму, откуда тянется нить.

Впрочем, даже эта жесткая формулировка не отменяла факта: он встал между ней и королевой. Открыто. Немедленно. Без колебаний.

И это было опаснее любой грубости.

— Почему? — спросила она.

Кайрен подошел ближе, но на этот раз остановился на безопасном расстоянии.

— Потому что теперь ты — не просто девушка, на которой удобно закончить расследование. Ты связана со мной. Любой удар по тебе — удар по моему дому, по моему имени и, если слухи разойдутся дальше, по праву наследования. Ты стала слишком дорогой мишенью, чтобы оставить тебя в чужих руках.

Слова были холодными. Почти деловыми. Но в них звучало то, что Лиара не могла не услышать: с этой минуты ее тело, ее репутация, ее жизнь вошли в чужой расчет. Не в милость. В расчет.

— Значит, я — политическая угроза, — тихо сказала она.

— И женщина, которую пытались убить через несколько минут после объявления метки. Да, это осложняет вечер.

Она неожиданно рассмеялась. Звук получился ломким.

— У вас странное чувство меры.

— У меня вообще мало приятных качеств.

— Это я уже заметила.

Он чуть склонил голову.

— А я заметил, что ты смеешься только тогда, когда близка к срыву.

Ее смех оборвался.

Слишком пронизательно. Слишком точно. Она не хотела, чтобы он видел это. Не хотела, чтобы он видел хоть что-то, кроме упрямства.

— Я не срываюсь, — сказала она.

— Конечно.

— Вы хотите, чтобы я плакала? Умоляла? Благодарила за спасение?

— Я хочу, чтобы ты начала думать не как воспитанная дочь своего дома, а как человек, которого уже выбрали для убийства.

Ее взгляд потемнел.

— Думаю, я давно начала.

— Нет. Если бы начала, ты бы первым делом вспомнила не фрейлину с платьем, а все, что было не на месте последние дни. Любой запах, любую фразу, любой взгляд. Кто избегал тебя. Кто, наоборот, был слишком внимателен. Кто знал, где ты будешь и когда. Кто мог видеть твои комнаты. Кто знал о времени церемонии. Кто выиграл от того, что ты окажешься опозорена именно сегодня.

Каждое слово било в цель.

Потому что он был прав.

Она действительно все еще думала как женщина, которую предали, а не как цель. Боль от отречения Эйдена, молчание отца, ужас перед меткой — все это заслоняло главное: кто-то не просто разрушил ее будущее. Кто-то тщательно, расчетливо менял само устройство двора через нее.

Лиара медленно опустилась обратно в кресло.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда начнем с тех, кому была невыгодна моя помолвка.

— Уже лучше.

— Королева.

— Возможно.

— Или кто-то, кто хотел ударить по Эйдену.

— Или по мне.

Она вскинула глаза.

Кайрен не отвел взгляда.

— Ты появилась на доске не одна. Не обольщайся мыслью, что все крутится только вокруг твоей репутации.

Почему-то это задело не меньше, чем любое другое его слово. Лиара ненавидела себя за внезапный, глупый укол — словно какая-то часть ее хотела, чтобы он хоть на мгновение признал: да, ее падение само по себе достаточно значительно. Достаточно опасно. Достаточно... для него.

— Значит, вас тоже пытались задеть через меня?

— Через тебя меня можно либо ударить, либо спровоцировать. Сегодня, кажется, решили совместить.

— Почему вас?

Он некоторое время молчал. Потом подошел к полке, вытащил бутылку темного стекла и налил себе в бокал что-то янтарное.

— Потому что двор не любит тех, кто возвращается слишком сильным.

— А вы вернулись именно таким?

— Я вернулся живым. Для некоторых этого достаточно, чтобы не спать спокойно.

Она смотрела, как он подносит бокал к губам, и вдруг вспомнила обрывки слухов, которые раньше не казались важными. О северных легионах, верных не трону, а ему. О границах, где его имя произносили прежде имени наследника. О том, что король слишком часто отправлял старшего сына подальше от столицы — и слишком редко отзывал назад.

— Вы не должны были быть здесь сегодня, — медленно сказала Лиара.

Кайрен опустил бокал.

— Продолжай.

— Вы не участвовали в церемонии. Стояли в стороне. Как человек, чье присутствие при дворе не планировалось как часть праздника. Но вы были в зале. Почему?

Он чуть прищурился. И на этот раз в его взгляде промелькнуло не раздражение, а осторожное одобрение, почти незаметное — и оттого опасное.

— Потому что меня вызвал отец.

— Зачем?

— Он не успел объяснить.

— Или не захотел.

— И это тоже возможно.

Лиара выдохнула.

Слишком много нитей. Слишком много теней. И одна из них — сам Кайрен, о котором она знала меньше, чем должна была знать женщина, внезапно оказавшаяся связанной с ним кровью.

— Мне нужна бумага, — сказала она. — Я хочу записать все имена и связи, пока память еще держит детали.

— Не бумага. Пока нет.

— Почему?

— Потому что любой лист можно украсть.

— А мою голову — нет?

— Ее сложнее вынести незаметно.

Она закрыла глаза на миг.

— Вы невыносимы.

— Зато предсказуем.

— Ничего подобного.

— Я оставил тебя в живых. Для тебя это уже область неожиданного.

Лиара открыла глаза и медленно произнесла:

— А вы уверены, что оставили меня в живых не потому, что сами не знаете, что со мной делать?

В комнате стало тише.

Кайрен поставил бокал на стол.

— Ты очень любишь подходить к краю.

— А вы очень любите думать, что один здесь умеет смотреть вниз.

Он сделал к ней шаг. Потом еще один.

Остановился вплотную.

У Лиары перехватило дыхание. От него пахло дымом, пряным крепким напитком и холодом снаружи. Его близость была не похожа на близость Эйдена — вежливую, выверенную,

никогда не затрагивавшую глубже поверхности. С Кайреном все было иначе. Резче. Опаснее. Честнее в своей жестокости.

— Я прекрасно знаю, что с тобой делать, — произнес он негромко.

— Правда?

— Да. Держать рядом. Не доверять. Не позволять никому дотронуться. И выяснить, кто решил использовать тебя прежде, чем решу, можно ли использовать тебя мне.

Ее ударило этим словом сильнее, чем следовало.

Использовать.

Вот и все. Вот то место, где он оставался собой без маски.

Лиара вскинула подбородок, хотя хотелось отступить.

— Значит, мы поняли друг друга.

— Сомневаюсь.

— Вы считаете меня либо удобной пешкой, либо красивой угрозой.

— А ты считаешь меня чудовищем, которого судьба прислала тебе вместо жениха.

— Я считаю вас человеком, который слишком привык брать.

Он смотрел на нее так долго, что она уже не знала, не сказала ли лишнего.

— Да, — ответил он наконец. — Потому что все, что я когда-либо не взял сам, у меня пытались отнять.

И в этих словах было что-то такое — не оправдание, не исповедь, но оголенный край старой раны, — что Лиара вдруг поняла: он сейчас сказал о себе куда больше, чем собирался.

Метка отозвалась теплом.

Она ненавидела это тепло.

Потому что оно делало его слова ближе.

Потому что часть ее — предательская, живая — уже начинала различать под жесткостью не только силу, но и цену этой силы.

В дверь снова постучали. Резче, настойчивее.

Кайрен не отступил от нее сразу. Лишь спустя удар сердца отошел и распахнул дверь.

На пороге стояла пожилая женщина в темном платье, без украшений, с туго убранными волосами. Старшая распорядительница дворца. За ней двое служанок держали подносы: чистую одежду, таз с горячей водой, перевязь с лекарствами.

Женщина поклонилась.

— Ваше высочество. По приказу Его величества подготовлены покои для леди Рейнмар в восточном крыле.

— Нет, — сказал Кайрен.

Распорядительница подняла глаза. Очень медленно.

— Ваше высочество?

— Леди Рейнмар останется здесь.

У Лиары свело живот.

Служанки побледнели так быстро, будто слышали не распоряжение, а непристойность.

Распорядительница выдержала паузу чуть дольше остальных.

— Это может вызвать... толки.

— Они уже начались.

— И все же обычаи...

— Сегодня обычаи пытались пристрелить ее в коридоре, — произнес Кайрен. — Меня это не убедило в их полезности.

Женщина поджала губы.

— Как прикажете.

Она не спорила. Не потому, что согласилась. Потому, что поняла: спор будет недолгим и неприятным.

Когда дверь закрылась, Лиара медленно повернулась к нему.

— Здесь?

— Да.

— В ваших покоях?

— Да.

— Вы с ума сошли.

— Возможно. Но в другом месте у тебя меньше шансов прожить ночь.

— А у меня есть право отказаться?

— Есть, — сказал он. — Идти можешь куда угодно. К королеве. К отцу. К бывшему жениху. В коридор, где тебя уже ждали с болтом. Выбирай.

Она смотрела на него, чувствуя, как поднимается ярость — и тут же разбивается о страшное, холодное понимание: он снова прав. Невыносимо. Безжалостно. Прав.

— Вы наслаждаетесь этим, — сказала она.

— Чем именно?

— Тем, что у меня нет выхода.

— Нет, Лиара. — Его голос вдруг стал совсем тихим. — Я слишком хорошо знаю цену положению, в котором нет выхода, чтобы им наслаждаться.

На этот раз она не нашлась что ответить.

Служанки в соседней комнате тихо раскладывали вещи. Пахло горячей водой, чистым полотном и чем-то лекарственным, терпким. За окнами завывал ветер. Дворец жил своей ночью — сплетнями, приказами, страхом, шорохом шагов там, где не должно быть шагов.

Лиара медленно подошла к окну.

Во внутреннем дворе было темно, но у дальней стены мерцали факелы. Люди носили что-то под накрытым покрывалом. Тело. Скорее всего, того самого стражника.

— Если меня подставили, — сказала она, не оборачиваясь, — значит, тот, кто это сделал, знал не только мои привычки. Он знал двор. И знал, как сработает обвинение.

— Да.

— Он мог рассчитывать, что Эйден отречется.

— Да.

— Или знал его заранее.

Кайрен ответил не сразу.

— Возможно.

Лиара обернулась.

— Вы думаете, Эйден причастен?

Тень скользнула по его лицу и исчезла.

— Я думаю, что с этой ночи у меня больше нет роскоши считать непричастным хоть кого-то.

От этих слов стало еще холоднее.

— Даже вашего брата.

— Особенно моего брата, если на то будет причина.

Она всмотрелась в него пристальнее. Не лгал. Не защищал. Не смягчал. Это тоже пугало.

— Тогда почему вы вообще спасли меня в зале? — спросила она. — Только не говорите снова о политике. Не в тот момент. Вы заговорили раньше, чем успели бы все просчитать.

Он долго молчал.

Пламя в камине треснуло, выбросив сноп искр. В его свете лицо Кайрена стало резче, жестче, и все же в этой жесткости вдруг проступило что-то иное. Не слабость. Что-то глубже. Темнее.

— Потому что, — сказал он наконец, — когда на тебе вспыхнула метка, я понял две вещи. Первая — если они доберутся до тебя, они ударят и по мне. Вторая — если я позволю тебе умереть на моих глазах, эта связь сожрет нас обоих раньше, чем кто-то успеет обрадоваться.

Лиара не шевелилась.

Он сделал паузу, а потом добавил:

— И мне не понравилась мысль отдать тебя им.

Воздух в комнате стал тяжелым.

Не признание. Не нежность. Но что-то достаточно близкое к инстинкту, чтобы сердце предательски дрогнуло.

Лиара отвернулась к окну, потому что не хотела, чтобы он это увидел.

Во дворе один из факелов вдруг погас.

На мгновение тьма стала почти полной.

И именно в этот миг на стекле перед ней проступили буквы.

Не снаружи — изнутри. Словно кто-то провел по холодной поверхности невидимым пальцем, оставляя за собой белесый след инея.

Она замерла.

Сначала одна линия. Потом вторая. Потом слово.

Беги.

Кровь застыла в жилах.

Лиара резко отступила от окна.

— Кайрен.

Он мгновенно оказался рядом.

На стекле уже проступала вторая строка, неровная, живая, будто писавшаяся прямо у них на глазах.

Пока он не вспомнил, кто ты на самом деле.

Глава 3. Клятва под замком

Иней на стекле дрогнул и пополз вниз, словно чья-то невидимая рука не дописала последнюю мысль и передумала оставаться дольше.

Лиара смотрела на слова, пока не заболели глаза.

Беги.

Пока он не вспомнил, кто ты на самом деле.

В комнате было тихо так, что она слышала треск дерева в камине и собственное дыхание — неровное, слишком быстрое. Запах дыма, хвои и горячего воска вдруг стал резче, тяжелее. Будто сам воздух ощутил чужое вмешательство.

Кайрен стоял рядом, слишком близко, и от его присутствия тянуло холодной, собранной угрозой. Она чувствовала, как изменилось его тело, хотя он почти не шевельнулся: чуть н

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.